Научная статья
УДК 316.3:321.1:352.075
ББК 60.561.32
И 18
DOI: 10.53598 / 2410-3691-2022-3-304-54-66

ГОСУДАРСТВО И МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В РАКУРСЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ: ИСТОРИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ РАССМОТРЕНИЕ

(Рецензирована)

Игорь Николаевич Иваненко
Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия
ivanenko.igor@mail.ru

Аннотация. Настоящая статья служит продолжением изучения динамики местного самоуправления с упором на государственную составляющую процессов политогенеза. Автор предлагает историко-социологическое рассмотрение, фиксирующее последовательно усиливающийся контроль за структурами местного управления со стороны высшей власти. Содержательное наполнение институциональных форм самоуправления отражает общий характер взаимодействия общества и государства, что в свою очередь обусловлено кругом природных и социальных обстоятельств. Нынешнее местное самоуправление являет собой итог как исторического процесса, так и комплексного воздействия современных источников различного уровня, среди которых надо выделять глобальные факторы, национальные факторы, региональные факторы, главным образом вытекающие из конкретной территориальной специфики. Предложена категория «политико-управленческая традиция», с привлечением которой целесообразно изучать национальную специфику местного самоуправления. Политико-управленческая традиция предполагает собственную сущностную специфику, являясь результатом переплетения множества факторов постоянного и переменного плана, работающих на протяжении исторического развития политической составляющей данного общества.

Ключевые слова: политогенез, альтернативы политических форм, стадии государства, модели самоуправления, бюрократизация, политико-управленческая традиция.

Для цитирования: Иваненко И.Н. Государство и местное самоуправление в ракурсе взаимодействия: историко-социологическое рассмотрение // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология». 2022. Вып. 3 (304). С. 54-66. DOI: 10.53598 / 2410-3691-2022-3-304-54-66.

Original Research Paper

STATE AND LOCAL GOVERNMENT IN TERMS OF INTERACTION: HISTORICAL AND SOCIOLOGICAL PERSPECTIVES (ARTICLE 2)

Igor N. Ivanenko
Kuban State University, Krasnodar, Russia
ivanenko.igor@mail.ru

Abstract. This article serves as a continuation of the study of the dynamics of local self-government with an emphasis on the state component of politogenesis processes. The author proposes a historical and sociological examination, fixing the consistently increasing control over the structures of local government by the highest authorities. The substantive content of institutional forms of self-government reflects the general nature of the interaction between society and the state, which in turn is due to the circle of natural and social circumstances. The current local government is the result of both the historical process and the integrated impact of modern sources of various levels, among which it is necessary to distinguish global factors, national factors, regional factors, mainly arising from specific territorial specifics. The category «political and managerial tradition» has been proposed, with the involvement of which it is advisable to study the national specifics of local self-government. The political and managerial tradition assumes its own essential specifics, being the result of the interweaving of many factors of a constant and variable plan that work throughout the historical development of the political component of this society.

Keywords: politogenesis, alternatives to political forms, state stages, self-government models, bureaucratization, political and managerial tradition.

For citation: Ivanenko I.N. State and local government in terms of interaction: historical and sociological perspectives (article 2) // Bulletin of Adyghe State University. Series «Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Science, Cultural Studies». 2022. No. 3 (304). P. 54-66. DOI: 10.53598 / 2410-3691-2022-3-304-54-66.

Введение. В первой статье акцент был сделан главным образом на сущности государства, уточняя которую мы установили, как двойственность и внутреннюю противоречивость государственного феномена, так и необходимость учета его специфической характеристики, обозначенной в качестве властного инстинкта. Именно последняя черта по ходу исторического процесса оказывает значительное, а порой и определяющее влияние на взаимоотношения общества и государства. В настоящей статье мы намерены провести уже более приземленный историко-социологический анализ динамики местного самоуправления через призму их взаимодействия с последовательно развивающимися государственными институтами.

Методология исследования. В качестве теоретической опоры использовались труды исторической антропологии Дж. Классена, Д. Бондаренко. Основой понимания стейтогенеза послужила теория Л. Гринина о трех стадиях эволюции государства. Характер общественных структур, меняющийся по ходу государственной эволюции, проанализирован с помощью классической социологии Э. Дюркгейма, Ф. Тенниса, а также с использованием объективных исторических фактов, изложенных в трудах П. Андерсона, М. Вебера, Ф. Энгельса. Отправной точкой анализа механизмов влияния государства на общество послужили труды А. Токвиля, а также теория структурации Э. Гидденса, в рамках которой удачно объясняется феномен бюрократизации. Процессы самоуправления на местном уровне изучались с опорой на труды А. Токвиля, А. Васильчикова, И. Выдрина.

Обсуждение. Уместно напомнить, что политическое развитие в сторону государства представляет собой лишь один из вариантов общественной эволюции, со временем приобретший магистральное значение. В свое время имелось немало альтернативных политических форм, которые получили заметно большее распространение, чем государства. Например, весьма популярной структурой традиционного управления являлось вождество, возникшее ранее государства и охватывающее иногда десятки тысяч человек, обходясь при этом без бюрократии. Причем зафиксированы случаи трансформаций вождеств в ранние государства, а также обратные процессы, ознаменованные распадом государственных образований на вождества [1; 233-234].

Данные исторической археологии свидетельствуют об очень медленном вызревании политической сферы в простых обществах. Так, общинно-родственный тип являлся типичной политической организацией в период до аграрной (неолитической) революции. Здесь на первый план выходили отношения родства, а лидерами становились в первую очередь благодаря личностным качествам. В то же время власть носила малорасчлененный и малоконцентрированный характер [2; 91]. Однако после аграрной революции общество усложняется, выдвигая на первый план уже надродовые институты. Происходит концентрация власти, общественные структуры становятся более сложными и специализированными, социальная иерархия разнообразится и углубляется. Таким образом, родоплеменной тип вытесняет общинно-родственный тип, а впоследствии формируется уже племенной тип организации власти. В его условиях о себе заявляли уже куда более сложные властные системы (политии), ряд которых классифицируется как вождество.

Несмотря на то, что государство в ранние периоды исторического процесса не представляло собой неизбежной стадии общественной эволюции, оно в конечном итоге оказалось наиболее жизнеспособным вариантом политического развития. Видимо, продолжительное время происходило нечто вроде эволюционной конкуренции политических форм, результатом которой стало утверждение государства как доказавшего наибольшую эффективность. Британский классик социологии Э. Гидденс видит главные условия вознкиновения государства в наличии централизованных управленческих структур, притязающих на контроль и управление определенной территорией, а также в существовании властвующей элиты [3; 342]. Политический антрополог Х. Дж. Классен предложил более расширенную картину необходимых для появления государства обстоятельств. Это, во-первых, количество населения, достаточное для формирования сложных структур иерархии (не менее нескольких тысяч человек); во-вторых, контроль над определенной территорией; в-третьих, соответствующий объем прибавочного продукта, поступающего в различных формах налогов; в-четвертых, наличие легитимирующей социально-экономическое и политическое неравенство идеологии. [4; 76-79].

Л. Гринин справедливо подчеркивает специфическую роль традиции в рамках политогенеза. Степень весомости фактора традиции отличает государство от альтернативных политических форм, имевшихся в истории. Для тех вариантов политогенеза, когда развитие шло по негосударственному пути, было характерно развитие именно традиционных направлений и тенденций, в то время как государство, помимо использования старых традиционных институтов, создает немало новых форм, связанных главным образом с управляющей сферой и регулированием социальных процессов [5; 45-46]. Разумеется, что

судьбы тех или иных традиционных элементов складывались неодинаково – одни были упразднены быстро, другие - сохранялись достаточно долго. Это во многом диктовалось тем обстоятельством, насколько конкретные традиционные формы препятствовали или, напротив, содействовали интересам и функциям высшей власти. Нам представляется уместным выдвинуть предположение, что погружение государственного управления в традицию и их взаимодействие предопределяло характеристики политической культуры, а конкретнее - политико-управленческой традиции. Причем как основа могли использоваться заимствованные модели управления, привнесенные завоевателями или просто переселенцами наподобие колониальных администраций. Но и полностью заимствованные извне политические формы в ходе практики неизбежно наполнялись местным содержанием.

В рамках политогенеза различают три государственных стадии, сменявшие друг друга по ходу исторического процесса и политического развития. Это раннее государство, развитое государство, зрелое государство, причем каждая следующая стадия обладает более сложными институтами и разнообразными функциями. Приведенные стадии хронологически не всегда придерживались строгой последовательности, в определенных случаях, как в истории Европы, могло происходить их чередование.

Отличительной особенностью раннего государства выступает его «неполный» характер. Данная «недостроенность» затрагивает, прежде всего, пространство взаимодействий государственных структур и общества. Между ними только нащупывается необходимый баланс, для которого обычно требовались «коллапсы, перестройка управления, развалы и объединения, гражданские войны, рождение на развалах новых государств». [5; 154]. Наиболее часто встречающийся дисбаланс государства и общества – слабое развитие государственных административных структур, предопределяющее весьма слабую связь управленческого аппарата с подчиненной территорией. Организация государства могла накладываться на различные пространственные области, изменения государственных границ было частым, однако бюрократическая администрация надстраивалась без особых трудностей над любыми территориями. Нам кажется уместным предположение о том, что недостроенность раннего государства свидетельствует в первую очередь лишь о начальном смысле выстраивания отношений с обществом на основе вертикального принципа. Государство всего лишь нащупывает механизмы и рычаги, позволяющие более основательно взяться за контроль общественных процессов.

Ранние государства выдвигали на первый план внешние задачи, отодвигая на второй - задачи внутренние, считает Л. Гринин. По его словам, внутренний порядок лишь частично регулировался ранними государствами, «оставляя многое в руках местного самоуправления либо вовсе пуская на самотек. А вот внешние военные задачи изначально концентрировали в своих руках, а то и монополизировали» [5; 174]. Мы считаем, что подобная картина нуждается, как минимум, в значительной коррекции. Внутренняя политическая раздробленность эпохи раннего феодализма была естественным состоянием в тех условиях [6; 60], которому способствовали как культурные предпосылки (вассалитет), так и вполне объективные причины. Ведь Европа IX-XI вв. находилась в состоянии постоянных внешних угроз, возможных с нескольких сторон. Раннесредневековое государство объективно не могло давать быстрые и гибкие «ответы» на подобные внешние «вызовы», делегируя местным властителям

управленческие и военные функции. В итоге образовалось множество центров, зачастую аккумулировавших политическую субъектность далеко за рамками чисто оборонительных функций, в чем убеждают исторические факты. Например, первый и четвертый Крестовые походы, а также завоевание Англии в 1066 г., были реализованы не главами государств, а крупными местными властителями. Рост подобного рода политической субъектности впоследствии встретил решительное противодействие со стороны усилившегося государства. Названные пробелы в управленческой структуре определялись не только слабостями формирующегося аппарата государства. Помимо этого, имелся еще очень значимый пока фактор традиционных устоев, определяющих социальные отношения, далеко не всегда вписывающиеся в раннюю государственность.

Если обратить внимание на характер общества, имевшегося на стадии раннего государства, то оно в большей степени живет автономно, завися от последнего в наименьшей степени в сравнении с более поздними стадиями стейтогенеза. В таком обществе практически свободно работают традиционные институты и связи, при этом нередко подпитывающие государственные структуры (институт народного ополчения, клановый институт «местничества»). Причем административные институты раннего государства вместе с общественными учреждениями вполне сосуществовали и на бесконфликтной основе. Известный отечественный востоковед Л. Алаев пишет о сосуществовании древнеиндийской административной бюрократии с деревенскими общинами и кастовыми группами, обладающими фактической автономией [7]. В европейском средневековье королевские официальные суды сосуществовали вместе с вотчинными, церковными, общинными судебными инстанциями [8].

Самостоятельность общества в условиях раннего государства заключалась также в самодостаточности и устойчивости разного рода общественных образований. Ф. Энгельс отмечает живучесть и высокую приспособляемость германской общинной формы – марки [9; 320]. Э. Дюркгейм в своей теории механической солидарности как раз описывал автономность и самодостаточность социальных форм (феодального поместья, общины, ремесленного цеха) не только от государства, но и друг от друга [10]. Правда, Ф. Теннис предпочел сделать акцент на социокультурной самодостаточности обозначенных структур, применив для этого концепт «общности» [11].

В условиях раннего государства уже формируются базовые предпосылки, которые впоследствии отразились в целом на социально-политических отношениях и в частности на специфике самоуправленческих форм. Если обратить внимание на европейский феодализм, то им формировались структуры, которые принципиально отличались на региональном, этническом уровнях. На это накладывали отпечаток географические, исторические обстоятельства, и прежде всего - фактор степени воздействия римской политической традиции. Так, Северная Европа, не испытавшая римского влияния, представляла уникальный регион, где в наиболее полной мере воплощались потенциальные возможности, заложенные в варварском германском обществе. По мысли историка В. Акунова, Северная Европа с ее обществом викингов есть то, чем могла стать, но так и не стала Европа германская, «сбитая с пути истинного» слишком близким знакомством с Римом и христианизацией» [12]. В раннесредневековой Скандинавии неслучайно наблюдалось длительное сохранение традиций народовластия. Кстати, данное обстоятельство считается заметным фактором специфики

местного самоуправления современных Скандинавских стран [13].

Специфические структуры самоуправления сформировались в средневековых городах Европы. Британский историк П. Андерсон отметил, что образцовые европейские города, где развивались производство и торговля, выступали самоуправляемыми общинами, будучи наделенными военной и политической независимостью от церкви и феодальной знати [14; 147]. По-иному складывались обстоятельства в городах других исторических эпох, а также цивилизаций. Так, в Римской империи города были подчинены крупным латифундистам, тогда как в китайских городах всем заправляли чиновники-мандарины, которые жили в специально выделенных элитных районах.

В городах средневековой Европы существовало формальное политико-правовое равенство населения. По определению М. Вебера, городские жители «представляли собой союз, основанный на братстве» (выделено М. Вебером - И.И.) [15; 365]. В городе существовала выборная администрация – «консульские» институты городских республик Италии, вечевая система в Новгороде. При этом нельзя не отметить, что успешность городского самоуправления во многом оказалась возможной благодаря политической слабости феодальных институтов, не лишенных взаимных противоречий. Например, итальянские городские коммуны расцвели во второй половине XI – XII вв., когда имела место ожесточенная борьба императора и римского папы. Главным управленческим органом города являлось общее собрание, куда входили все горожане, избиравшие кандидатов на муниципальные должности. Подобное положение дел формально существовало до XVII столетия, хотя реальная власть и влияние в средневековых городах довольно скоро концентрировались у купеческой верхушки, захватывающей контроль и за выборной системой. Как считает известный левый исследователь Б. Кагарлицкий, эволюционная динамика внутриполитических систем средневековых городов-государств характеризовалась сдвигами от демократии к олигархии. То есть возрастающая мощь и влияние города коррелировали с социальной поляризацией. В качестве примеров в равной степени служат и Новгород, и Венеция [16; 91]. Правда, остается дискуссионным вопрос, в какие конкретные моменты происходила названная олигархизация внутренней городской власти. Уместно предположить, что детерминантом подобных процессов выступал целый комплекс обстоятельств, причем указанная тенденция была исторически универсальной.

Феномен Магдебургского права, начало которому положило тринадцатое столетие, иллюстрирует степень политической субъектности средневековых городов. В рамках этой юридической системы определялись функциональные компетенции городских властных структур, включая правовые стандарты социально-экономической и торговой деятельности. Магдебургское право фактически санкционировало городской суверенитет, его автономию от крупных феодальных магнатов. Власти города вершили судопроизводство и самоуправление, располагали правом земельной собственности, были освобождены от большей части средневековых повинностей. Монархи европейских стран были заинтересованы в распространении Магдебургского права, так как рассматривали городские коммуны как естественного политического союзника в противостоянии с высшей аристократией.

В связи с вышеизложенным, следует заключить, что в период ранних государств власть имела в большей степени рассеянный смысл и распределялась по различным субъектам, представляющим те или иные сегменты общества. Однако уже

именно в данный период был заложен некий фундамент политической традиции, которая отражается на современной внутриполитической специфике. Мы говорим, прежде всего, о своеобразной притирке друг к другу государства и общества, в результате чего вырабатывались все более устойчивые культурно-политические формы, в более поздние эпохи подвергнутые только частичным модификациям. Как кажется, сторонники общественной теории местного самоуправления могут черпать больше аргументации именно из эпохи ранних государств.

Следующей стадии политогенеза присуща уже централизованная и значительно более стабильная государственная власть, которая выстроена на куда более сложном институциональном фундаменте. Развитое государство располагает существенно расширившимися возможностями контроля и регулирования социальных процессов и считается уже естественной политической формой общества. При этом усложнившемуся государственному аппарату соответствует более сложная социальная структура, представленная не мелкими коллективными образованиями, но крупными социальными группами, вроде сословий. Как пишет Л. Гринин, управленческая активность государства в целом направлена на то, «чтобы сделать общество более жестким, устойчивым, уменьшить социальную мобильность или канализировать ее» [5; 203].

Необходимо подчеркнуть, что в процессах укрепления и централизации структур государства участвовал не только «властный инстинкт», сущностно присущий любому государству. Все это диктовалось банальной жизненной необходимостью. Совокупность внешних и внутренних вызовов обычно вынуждала к адекватной своевременной реакции, где главным условием выступала централизация. Так, «огневая революция», происходившая в XV-XVII вв., требовала принципиальных изменений в способах организации и комплектации военных ресурсов, что было по плечу только централизованной власти [17]. Неслучайно страны, в которых централизация по тем или иным причинам задержалась и реформы в военном деле не были проведены в достаточных масштабах, попадали в результате в полосу политических кризисов, что порой даже приводило к потере политической независимости (Речь Посполитая).

Однако государственная централизация имела и другую сторону, которая отразилась феноменом внутриполитического противостояния общества и абсолютистского государства. Политическая философия Просвещения актуализировала дискурс «свободы», в рамках которого сущность государства интерпретировалась как принципиально враждебная свободе. Наверняка, одной из важнейших причин этого понимания являлся рост административного аппарата, или бюрократизация, что отражало факт усиления влияния государства на общество.

Разрастание численности государственных чиновников было и неизбежным, и в целом необходимым. Так, во Франции их количество возросло в шесть раз за период с начала XVI и до середины XVII вв. [5; 259]. В то же время нельзя отрицать и дисфункциональную сторону подобных процессов. Во-первых, рост числа чиновников был далеко не всегда пропорционален расширению потребностям управления. Во-вторых, расширяющиеся штаты бюрократии далеко не всегда обладали достаточным профессионализмом, на что указывает практика вполне официальной продажи государственных должностей, распространенная в Европе XVI-XVIII вв. [18; 366-367].

Известный критик государства князь П. Кропоткин представляет исторический процесс как противоборство двух антагонистичных традиций: римской и народной,

императорской и федералистской, традиции власти и традиции свободы [19; 421]. Пусть данное видение и не лишено чрезмерного редукционизма, оно содержит важный для нас смысл. Государственная власть, по ходу своего усиления, старается минимизировать, а то и вообще ликвидировать, обычаи и традиции на местах, отражающие правовую и политико-культурную специфику. Довольно распространенным способом в Европе позднего Средневековья и Нового времени было использование римского права, которое содержало значительный унифицирующий потенциал. С этой целью приглашались получившие соответствующее образование теоретики (доктора), заполняющие региональные и местные структуры управления, вытесняя из них местных дворян и представителей иных сословий. По словам А. Токвиля, римское право являлось «произведением народа очень цивилизованного, но очень порабощенного», а потому французский мыслитель видит здесь дополнительную причину стремлений монархов максимально распространить римское право на собственных территориях [20; 195-197].

Хотя унифицирующая тенденция имела место в большинстве европейских стран, она, накладываясь на местные особенности, давала неодинаковые результаты. На рубеже Средневековья и Нового времени складываются национальные модели политического управления, отражавшиеся, в том числе, на структурах местного самоуправления. Неслучайно в социальной мысли XVIII-XIX вв. уже различались англосаксонская, французская и германская модели.

Сравнить данные модели можно опираясь на работы А. Токвиля «Старый порядок и революция» и «Демократия в Америке». Первый трактат анализирует ситуацию предреволюционной Франции, в которой королевский абсолютизм все сильнее оказывал давление на общество, явственно вмешиваясь в проблематику местного самоуправления. Последнее в контексте усиливающегося пресса государственной администрации последовательно превращается в низовой элемент управленческой структуры с минимумом самостоятельности. Иерархия чиновников вытесняет дворянское правление, которое естественным образом погружено в проблематику на местах [20; 27]. Старым провинциальным властям лишь оставляется возможность решения локальных задач. Хотя в специфических случаях, как при неурожае, например, если народные страсти стимулировали амбиции магистратов, государство могло пойти на временные послабления, однако затем «снова молча занимало свое место и исподволь прибирало к рукам всех людей и все дела» [20; 61].

Выхолащивание самоуправленческого принципа А. Токвиль демонстрирует на примере Лангедока – провинции, отличавшейся традициями «провинциальной свободы». Однако в XVIII в. местные управленческие институты попадают под жесткий королевский контроль и в кадровом плане, и в плане принятия главных решений. Выборная система городских муниципалитетов сдвигается в сторону доминирования представителей местных элит, превращаясь в своего рода мелкую олигархию. Подмятые центральным правительством городские институты приобретают номинальное значение. А собственно народ фактически повсеместно «перестает интересоваться делами коммуны и живет внутри собственных стен, словно чужой» [20; 50].

Противоположная ситуация констатируется А. Токвилем в Америке 1830-х гг. Здесь, благодаря, прежде всего, децентрализации и рассредоточению исполнительной власти, местные инициативы «снизу» не подавляются, но реализуются в общине, которая служит основной ячейкой местного самоуправления и

большинство членов которой задействовано в ее руководстве. При этом именно в силу рассредоточенности власти правительство постоянно «чувствует свою изначальную связь с народом и повинуется той силе, которая создала его» [21; 63].

Описывая различия моделей самоуправления в Англии, Франции, Германии (Пруссии), русский ученый А. Васильчиков объяснял их как совокупностью объективных обстоятельств, так и спецификой ментальных принципов. Он признает, что все три национальные модели эффективны, по-своему приводя к согласию «порядок со свободой» [22; 45]. Все же наиболее аутентичен самоуправлению именно англосаксонский вариант, где ставка делается на максимальную свободу, зачастую жертвуя социальными проблемами [22; 47-48]. Во Франции система местного управления детерминирована принципом народного самодержавия, характерного для национальной ментальности, а «административная централизация есть прямой вывод из этого высшего начала» [22; 51]. Что касается германской модели, то в ней сочетаются два, казалось бы, противоположных начала: «правительственный надзор неограничен, чиновничество всесильно – и, несмотря на это, по внутреннему духу и на самом деле местные учреждения пользуются в Пруссии действительной самостоятельностью» [23; 57].

В то же время трудно спорить с тем, что формирование определенной национальной самоуправленческой модели определяется совокупностью факторов универсального и специфического характера. Становление самоуправления в конкретной стране, считает современный ученый И. Выдрин, «опосредуется самыми разными факторами конкретно-исторической обстановки, политическими замыслами авторов реформ... Демократическое устройство государства, республиканский режим правления не всегда способны гарантировать эффективное местное самоуправление. И, напротив, недемократическая форма правления может способствовать его развитию. На это влияет не форма правления, а формы и методы управления, принятые в государстве» [23; 89].

Эволюция политогенеза приводит государственные структуры к стадии зрелого государства, которому в целом адекватны современные политические системы. Л. Гринин понимает зрелое государство как органическую форму политической организации, а по-другому - такую форму, вне которой общество и его население существовать не могут в принципе [24; 26]. Такое государство имеет в качестве опоры еще более мощный экономический базис, основанный на индустриальном производстве, располагает куда более развитыми организационными и силовыми структурами. Естественно, что возможности зрелого государства еще более разрастаются при расширении функций, что означает не только дальнейший рост государственных служащих, но и другие последствия.

Прежде всего, продолжающееся разрастание бюрократического слоя делает насущной проблему уже его функционального самоотрицания в качестве структуры управления. Данный тренд мы считаем универсальным, отражающимся на институтах местного самоуправления. Например, исследования одной из наиболее эффективной и благополучной Скандинавской модели показывают, что она также не избежала тенденций бюрократизации местного самоуправления, что содействует отчуждению от него рядовых граждан [13; 20].

Можно предположить, отталкиваясь от предложенной Э. Гидденсом концепции структурации, что бюрократизация, сопровождающая возрастание государственного влияния, навязывает обществу соответствующую модель внутриполитических отношений, активно распространяя

ее. Следовательно, речь ведется о складывающейся традиции управления, взаимодействующей с культурно-политической традицией, которая зиждется на мифологии политико-властных отношений, а также устойчивых формах политического поведения. Продуктом взаимодействия управленческой и культурно-политической традиции становится феномен, обозначаемый как «политико-управленческая традиция». Последняя интерпретируется как сложившаяся в истории устойчивая, повторяющаяся совокупность норм и правил, которые определяют отношения как в политико-административной сфере, так и в близких к ней областях общественных практик и взаимодействий. Отражением политико-управленческой традиции наверняка следует считать национальную специфику бюрократии.

При изучении нынешних институтов местного самоуправления надо обратить внимание на глобализацию, знаковый тренд современности. Популярный и почти расхожий тезис об изменяющейся в ходе глобализации роли национальных государств характеризуется чрезмерным обобщением, поскольку конкретное государство избирает собственный вектор развития, подчиняясь внешним и внутренним факторам. При этом если обратить внимание на глобальную тенденцию демократического транзита, то для большинства национальных государств она схожа по значению с римским правом периода XV-XVIII вв. В настоящий момент глобализационный контекст актуализирует феномен регионализации, делающий более востребованной федеральную модель.

Тем самым надо полагать, что процессы глобализации, регионализации, а также внутренней бюрократизации выступают в качестве значимых вызовов в отношении большинства национальных политических систем. Здесь предлагаются ответы различного плана, но именно придание большей гибкости структурам управления признается за наиболее эффективный шаг в условиях ускоряющейся социальной динамики [25]. Естественно, местное самоуправление не остается в стороне от всех названных процессов. Так или иначе, но главенствующим фактором для местной власти выступает внутренняя политика государства, в рамках которой играет значительную роль компонента политико-управленческой традиции, в связи с чем взаимодействие местной и других ветвей власти будет отражаться и в национальной специфике. Вполне возможно, что именно здесь следует видеть одну из основных причин расплывчатости международного правового документа «Европейская хартия местного самоуправления» [26; 74-75]. В каждом конкретном случае всплывает немало географических, культурных и иных «местных» особенностей.

Заключение. В заключение изложенного в двух статьях материала мы собираемся предложить следующие выводы, которые носят характер теоретико-методологической основы последующих исследований институтов местного самоуправления:

1) Процессы институциональных изменений местных управленческих структур следует рассматривать в качестве составляющей политогенеза как такового. Более того, институты местного самоуправления заявили о себе ранее государственных структур и ранее политогенеза, согласно приведенной трактовке данного феномена. Поначалу вопросы власти и управления решались через возникающие естественным путем «снизу» учреждения. Содержательное наполнение самоуправленческих форм отражает общий характер взаимодействия общества и государства, что в свою очередь обуславливается комплексом природных и социальных обстоятельств. Общая логика исторического процесса предполагает усиливающийся контроль государственной

власти над обществом, который имел место в различных формах, в том числе отражаясь и на характеристиках местного самоуправления. Современное местное самоуправление представляет не только результат исторических процессов, но и продукт воздействия современных объективных обстоятельств различного уровня. Здесь имеет смысл выделить глобальные факторы, национальные факторы, региональные факторы, главным образом вытекающие из конкретной территориальной специфики.

2) Исследования национальной специфики местного самоуправления целесообразно проводить с привлечением категории «политико-управленческая традиция». Современная стадия политогенеза предполагает модель властных и управленческих отношений, органически присущую конкретной общественной системе, распространяясь также и на неполитические сферы (бюрократизация). Определенная национальная политико-управленческая традиция предполагает собственную сущностную специфику, являясь результатом переплетения множества факторов постоянного и переменного плана, работающих на протяжении исторического развития политической составляющей данного общества.

Примечания:

1. Чэбел П., Фейнман Г.М., Скальник П. По ту сторону государств и империй: вождества и неформальная политика // Раннее государство, его альтернативы, аналоги: сб. статей. Волгоград: Учитель, 2006. С. 229-243.

2. Гринин Л.Е. Государство и исторический процесс: Эпоха формирования государства. М.: УРСС, 2011. 368 с.

3. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структурации. М: Академический проект, 2005. 528 с.

4. Классен Х. Дж. Было ли неизбежным появление государства? // Раннее государство, его альтернативы, аналоги: сб. статей. Волгоград: Учитель, 2006. С. 71-84.

5. Гринин Л.Е. Государство и исторический процесс. Эволюция государственности: от раннего государства к зрелому. Москва: КомКнига, 2007. 368 с.

6. Гуревич А.Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. Москва: Выс. шк., 1970. 224 с.

7. Алаев Л.Б. Сельская община в Северной Индии. Основные этапы эволюции Москва: Наука, 1981. 240 с.

8. Петрушевский Д.Н. Очерки из истории средневекового общества и государства. Москва: Книжная находка, 2003. 372 с.

9. Энгельс Ф. Марка. // Общая социология: хрестоматия. Москва: Высш. шк., 2006. С. 314-320.

10. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Канон, 1996. 432 с.

11. Теннис Ф. Общность и общество: Основные понятия чистой социологии. СПб: Владимир Даль, 2002. 452 с.

12. Акунов В. Берсерки. Воины-медведи Древнего Севера. Москва: Вече, 2016. 336 с.

13. Могунова М.А. Самоуправление в Швеции как способ обеспечения общегосударственных и местных интересов // Вопросы государственного и муниципального управления. 2008. № 4. С. 48-71.

14. Андерсон П. Переходы от античности к феодализму. М.: Изд. дом «Территория будущего», 2007. 284 с.

15. Вебер М. Город // Вебер М. История хозяйства. Город. М.: Канон-Пресс-Ц, 2001. 333-489.

16. Кагарлицкий Б.Ю. От империй к империализму. Государство и возникновение буржуазной цивилизации М.: Изд. дом Высшая школа экономики, 2010. 680 с.

17. Пенской В.В. Великая огнестрельная революция М.: Яуза, Эксмо, 2010. 448 с.
18. Шоню П. Цивилизация классической Европы. Екатеринбург: У-Фактория, 2005. 608 с.
19. Кропоткин П.А. Государство и его роль в истории // Хрестоматия по истории государства и права, политологии, истории политических и правовых учений. Москва: ПРИОР, 2000. С. 427- 422.
20. Токвиль А. Старый порядок и революция. Санкт-Петербург: Алетейя, 2008. 248 с.
21. Токвиль А. Демократия в Америке М.: Прогресс, 1992. 554 с.
22. Васильчиков А. О русском самоуправлении /А. Васильчиков - М.: Институт русской цивилизации, 2013. 960 с.
23. Выдрин И.В. Местное самоуправление в трудах русских ученых-юристов дореволюционной поры // Муниципалитет: экономика и управление. 2017. С. 86-93.
24. Гринин Л.Е. О стадиях эволюции государства: проблемы теории // История и современность. 2006. № 1. С. 3-45.
25. Яковлева Е.В. Право и общественная структура: динамический аспект взаимодействия / Актуальные тенденции и инновации в развитии российской науки: сб. науч. статей. Москва, 2018. С. 154-157.
26. Туровский Р.Ф. Местное самоуправление: к организации эффективной власти // Общественные науки и современность. 2005. № 6. С. 68-79.

References:

1. Chabal P., Feinman G.M., Skalnik P. Beyond states and empires: chiefdoms and informal politics // The early state, its alternatives and analogues: Collection of articles. Volgograd: Uchitel, 2006. P. 229-243.
2. Grinin L.E. State and historical process: The era of state formation. M.: URSS, 2011. 368 pp.
3. Giddens A. The constitution of society: Outline of the theory of structuration. M.: Academic project, 2005. 528 pp.
4. Claessen H.J. Was the state inevitable? // The early state, its alternatives and analogues: Collection of articles. Volgograd: Uchitel, 2006. P. 71-84.
5. Grinin L.E. State and historical process. The evolution of statehood: from an early state to a mature one. M.: KomKniga, 2007. 368 pp.
6. Gurevich A.Ya. Problems of the genesis of feudalism in Western Europe. M.: Vysshaya shkola, 1970. 224 pp.
7. Alaev L.B. Rural community in North India. Main stages of evolution. M.: Nauka, 1981. 240 pp.
8. Petrushevsky D.N. Essays from the history of medieval society and state. M.: Knizhnaya nakhodka, 2003. 372 pp.
9. Engels F. A Mark / General sociology. Reader. M.: Vysshaya shkola, 2006. P. 314-320.
10. Durkheim E. The division of labor in society. M.: Kanon, 1996. 432 pp.aublished
11. Tönnies F. Community and society: Basic concepts of pure sociology. St. Petersburg: Vladimir Dal, 2002. 452 pp.
12. Akunov V. Berserks. Bear Warriors of the Ancient North. M.: Veche, 2016. 336 pp.
13. Mogunova M.A. Local state administration and self-government in Sweden as a means of providing state and local interests // Issues of state and municipal management. 2008. No. 4. P. 48-71.
14. Anderson P. Transitions from antiquity to feudalism. M.: Territory of the Future, 2007. 284 pp.
15. Weber M. The City // Weber M. History of the economy. The City. M.: Canon-Press-Ts, 2001. P. 333-489.

16. Kagarlitsky B.Yu. From empires to imperialism. The state and the rise of bourgeois civilization. M.: Higher School of Economics, 2010. 680 pp.

17. Penskoy V.V. The Great Firearms Revolution. Moscow: Yauza, Eksmo, 2010. 448 pp.

18. Chaunu P. Civilization of classical Europe. Yekaterinburg: U-Factoriya, 2005. 608 pp.

19. Kropotkin P.A. The state: its historic role // Reader on the history of state and law, political science, history of political and legal doctrines. M.: PRIOR, 2000. P. 427-422.

20. Tocqueville A. Old order and revolution. St. Petersburg: Aleteyya, 2008. 248 pp.

21. Tocqueville A. Democracy in America M.: Progress, 1992. 554 pp.

22. Vasilchikov A. About Russian self-government /A. Vasilchikov. M.: Institute of Russian Civilization, 2013. 960 pp.

23. Vydrin I.V. Local self-government in the works of Russian legal scholars of the pre-revolutionary period // Municipality: economics and management. 2017. P. 86-93.

24. Grinin L.E. On the stages of the evolution of the state: problems of theory // History and modernity. 2006. No. 1. P. 3-45.

25. Yakovleva E.V. Law and social structure: the dynamic aspect of interaction / Current trends and innovations in the development of Russian science. Collection of scientific articles. Moscow, 2018. P. 154-157.

26. Turovsky R.F. Local self-government: towards the organization of effective power // Social sciences and modernity. 2005. No. 6. P. 68-79.

Статья поступила в редакцию 10.04.2022; одобрена после рецензирования 27.06.2022; принята к публикации 01.09.2022.

The author declares no conflicts of interests.

The paper was submitted 10.04.2022; approved after reviewing 27.06.2022; accepted for publication 01.09.2022.

© И.Н. Шевченко, 2022